

Чайковский и Пушкин: особое мнение

Параллель «Чайковский - Пушкин» проводится, наверное, уже с первых сочинений великого русского композитора. «Каплей воды, отражающей мир» взаимоотношений их искусств, может служить, пожалуй, знаменитая ария Ленского из «Евгения Онегина» Чайковского. Недаром она воспринимается как своего рода музыкальная эмблема не только «лирических сцен» великого композитора, но и «романа в стихах» гениального поэта, да и вообще творчества обоих русских художников, подобно рисункам самого Пушкина на полях его рукописей.

Пушкин иронично относился к поэтическому дару героя своей поэмы Владимира Ленского. Комментируя стихи, написанные Ленским перед дуэлью, Пушкин замечает: «Так он писал *темно и вяло* (что романтизмом мы зовем, хоть романтизма здесь нимало не вижу я; да что нам в том?)». Вялость в стихах Ленского понималась Пушкиным не как недостаток энергии, а как недостаток свежести.

Стихи Ленского – это поэтическая парафраза на стихи 38-го псалма царя Давида. Пушкин мог их слышать в 32-м духовном концерте Д.С.Бортнянского (в те времена концерты этого композитора широко использовались в церковных службах): «Скажи ми, Господи, кончину мою и число дней моих, кое есть, да разумею, что лишаю ся аз. Се пяди положил еси дни моя, и состав мой, яко ничтоже пред Тобою. Обаче всяческая суета...»

Сравните со стихами Ленского:
«Что день грядущий мне готовит?
Его мой взор напрасно ловит,
В глубокой мгле таится он.
Нет нужды; прав судьбы закон.
Паду ли я, стрелой пронзенный,
Иль мимо пролетит она,
Все благо: бдений и сна
Проходит час определенный;
Благословен и день забот,
Благословен и тьмы приход...»

Надо заметить, что стиль Бортнянского вообще самым прямым образом повлиял на творчество Чайковского. Чайковский, как мог, сопротивлялся обаянию Бортнянского, борясь с «итальянщиной» в его музыке, и тем не менее, в своем творчестве он следовал этому стилю. Не в последнюю очередь потому, что итальянизированному стилю Бортнянского свойственно прямое воплощение в мелодии оптимальных для хорошего пения и звучания голоса вокальных движений. Можно сказать, что стиль Бортнянского – это воплощение вокальности в музыке Чайковского, этот стиль приобрел большую строгость в результате снятия вокальных «излишеств» – вспомогательных апожиатурных украшений.

Чайковский отредактировал и издал все 35 концертов Бортнянского для смешанного хора без сопровождения. Как он сам пишет в предисловии к этому изданию, «отличающие стиль Бортнянского бесчисленные апожиатуры я или пропускал вовсе, или для точности исполнения переносил на определенные части такта». В примечании к 32-му концерту, именно к тому, который написан на текст 38-го псалма, он заметил: «Концерт этот я считаю лучшим из всех тридцати пяти».

Рос. жур. 10.99 - 10.10.99

Естественно, что, сочиняя арию на стихи Ленского, он заимствовал для нее начальные, ключевые фразы из 32-го концерта Бортнянского. Из сопоставления первых фраз этого концерта и арии Ленского достаточно очевидна их мелодическая близость.

Вступительные слова арии («Что день грядущий мне готовит? Его мой взор напрасно ловит») и следующая за основным разделом строфа («Блеснет завтра луч денницы...») в поэме и опере служат для ситуационной привязки идеи о бренности жизни. Из сравнения стихов и музыки достаточно очевиден первоисточник того и другого: это 38-й псалом, использованный в 32-м духовном концерте Д.Бортнянского. Альтерация тона h в концерте на b в арии возникает от стремления связать две отдельные фразы из концерта в одну фразу в арии.

Заимствованные Чайковским у Бортнянского мелодического тезиса связано, конечно же, не с отсутствием у него мелодического дара, равно как и у Пушкина – дара поэтического при заимствовании последних идеи стихов Ленского из псалма царя Давида. Прием, широко распространенным в XIX веке – парафразой, Чайковский добился осуществления сразу многих целей. Он перенес в оперу метод, использованный Пушкиным; что немало важно для воспроизведения и самой художественной правды. Воспроизвел музыкальный подтекст стихов Ленского, который подразумевался и самим Пушкиным, поскольку, как уже говорилось, музыка Бортнянского была у всех на слуху. Этим музыкальным материалом, который в опере используется и для характеристики Татьяны, Чайковский воспроизвел музыкальный фон пушкинской эпохи вообще.

Отсюда ясно, почему знаменитая ария Ленского является своего рода «знаковой». Вопреки иронии Пушкина она служит для нас символом как самого его романа, так и всей его эпохи.

Дмитрий ШАБАЛИН.